

НАТАЛЬЯ БОБЛО

Перекрёстки времени

Наталья Бобло

Перекрёстки времени

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44556671
ISBN 9785005042118*

Аннотация

Самым обычным январским днём Софья проснулась и поняла, что завтра не наступило, а её жизнь внезапно потекла в противоположное нормальному, привычному направлению. Просыпаясь каждый раз в предыдущем дне, она изо всех сил старалась понять причины и вернуть обычный порядок и течение времени. Ведь чтобы понять что-то для себя, пожалуй, каждому человеку требуется своеобразная встряска, без которой невозможно изменить жизнь, начав жить своей собственной, настоящей.

Содержание

ВТОРНИК. РАБОТА	8
СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ... Я...	10
Следующий день. Лиса	16
СУББОТА. ТАНЮХА	25
ПЯТНИЦА. ТУХАН	36
ЧЕТВЕРГ. СРЕДА	47
ВТОРНИК, 20.01.2015г	49
ПОНЕДЕЛЬНИК. АРТЁМ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Перекрёстки времени

Наталья Бобло

Благодарности:

Ирина Щепова

© Наталья Бобло, 2019

ISBN 978-5-0050-4211-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ПЕРЕКРЁСТКИ ВРЕМЕНИ

СРЕДА. НАЧАЛО.

Обманчиво бывает тёплым лето.

И внешность яркости полна.

А вот когда мы на вопросы ждём ответа,

Что мы хотим услышать, – знает ложь одна...

Чтобы определить для себя, куда и для чего мы идём по жизни, нам нужно Время. И не важно, с какой скоростью или даже... в какую сторону оно течёт. Просто без него – никак. Мудрость и понимание вещей нам также даёт время, и, наверное, умение правильно им распоряжаться, определив для себя однажды, раз

и навсегда, на чьей мы стороне – Добра или Зла, с Богом мы или с миром, навязывающим свои приоритеты и ограничительные рамки мнимого выбора морали...

Но... всё – с самого начала и – по порядку.

Самая обычная среда января, ничем не отличалась от других дней, за исключением того, что выходные приблизились ещё на один день, а я с подругой в субботу собиралась сходить на «Аиду» в Большой и с нетерпением ждала наступления этого счастливого события.

И вот, как всегда, неторопливое пробуждение, чашка кофе с бутербродом, без сигареты и сахара (я не курю и постоянно худею), дневной макияж, «не слишком, но и не совсем уж», подбор туалета, в результате чего были одеты вчерашние же брюки, но с новой (в смысле свежей) блузой, и спуск по ступеням с третьего этажа моего пятиэтажного, в самом центре столицы, дома.

Машина завелась с пол-оборота, что само по себе страшно радовало, потому что вчера по этому поводу была целая катастрофа: она не заводилась ни под каким предлогом. Однако же я познакомилась с соседом, как оказалось, живущим с недавних пор надо мной, а он, на радость мне, оказался умельцем в области «машиноремонта» (или как-то так). Пятнадцать минут в пути, и я даже не опоздала на работу.

Работаю я в банке, и это, надо признать, самое наискучнейшее занятие для молодой незамужней женщины в самом расцвете сил (прямо Карлсон в юбке), особенно, если это –

бухгалтерия. Нет, есть, конечно, свои прелести, такие, как опыт работы... (я себя всегда в этом убеждаю, не мешайте мне своими ухмылками), выработка ангельского терпения по отношению к нравоучениям женщин с «богатым жизненным опытом» (не дай Бог, такое пригодится), всезнающих и обожающих выражение, типа «а вот я бы никогда...» (далее идёт перечисление того, чего они бы никогда не сделали, не делали, и от чего становится понятным, почему они до сих пор здесь сидят, хотя это, конечно, моё мнение, может им-то как раз и нравится, да и не все они такие...)

Самое приятное, безо всякого самовнушения, это, конечно, общение с подругами: настоящими, прикольными, оригинальными... (не хочется думать, что мы когда-нибудь превратимся в нудных, «всезнающих» тёток). Для общения у нас есть обед, 45 минут, и время, свободное от контроля руководящих работников, в простонародье: церберов. И это, кстати, не очень много. Нам всегда есть о чём поговорить не по работе.

Работа: включение компьютера, кофе, общение с девчонками, пока церберы пьют кофе. Они, оказывается, тоже люди. И работа, договора, платёжки, дебет, кредит, счета, оплаты, предоплаты, пересчёты... работа... работа... сплошная работа.

Обед. Прогулка по бульвару с Викусей, с заходом в магазин, с воспоминаниями о новогоднем вечере, лёгком «перемывании» костей (совсем чуть-чуть, кстати, психологи при-

шли к выводу, что сплетни делают человека счастливей, я так и не поняла, как конкретно... но психологам, конечно же, виднее).

После обеда – опять и снова работа, работа, работа...

17.30. Компьютер выключен, стол рабочий приведён в порядок, сумка собрана, дублёнка одета... начинается штурм лифтов. Их три. Но бухгалтеров из одного крыла и дилеров казначейства из другого – раз в двадцать больше, к тому же, наш этаж – восьмой, он последний, и лифты уже заняты сотрудниками банка, работающими на нижних этажах. Есть, конечно, и лестница, но красоткам на каблуках спускаться опасней, чем подниматься. Поднимаясь, максимум можно вспотеть, а вот спускаясь, ещё и шею сломать. Так что ждём...

Вечер, без вариантов, должен быть проведён дома. Любимый сериальчик, нет, два, а если досижу, то и три... Мытьё вчерашней посуды, вчера лень было, душик, какао... блин, книжку уже второй месяц читаю, 800 страниц детектива, вроде и ничего, но так же растянуто-затянуто... что каждый раз берясь за неё, снова приходится вспоминать, о чём я уже прочитала... Нет, сегодняшние разборки по оплате рекламы «доконали» меня и «вынули» весь запас мозга на сегодня, так что сериальчики, и только они...

Пошла спать я где-то в полтретьего, или второго...

ВТОРНИК. РАБОТА

Только вот проснулась я в этот день совсем не в четверг, а во вчера, а ещё точнее в позавчера, но так как завтра не наступило, то можно считать, что во вчера. Разумеется, поняла я это не сразу. Радио у меня нет, телек с утра не включаю, у него вечерняя смена, да и дневного «загруза» мне более чем достаточно за день, к тому же все новости узнаю от милых наших тётенок из отдела, а правдоподобность их восприятия не думаю, что намного отличаются от «СМИшных». Иногда даже интересно. Так что кофе, причёска, макияж и процесс выбора одежды прошли в полной неосведомлённости.

Машина. Она снова не заводилась. И когда вразвалочку ко мне подошёл сосед (я уже знала, что он живёт надо мной), я обратилась к нему первая:

– Де-жа-вю... Привет, Сергей, ты мне поможешь опять...

Его лицо, мягко говоря, выражало удивление, а фраза «разве мы знакомы?!» сделала его выражение лица заразным...

– Ну как же, позавчера, во вторник, ты мне помог: что-то там поковырял под капотом и...

– А вы, девушка, оригиналка, однако... Сегодня – вторник. И я только с понедельника здесь квартиру снимаю...

– Да, я знаю. Ты от подружки своей богатенькой ушёл, Ксе-

нии, кажется...

В общем, на работу я добиралась автобусом, троллейбусом, ногами и, разумеется, опоздала на целых 45 минут. К этому времени начальство успело попить кофе, перемыть кости своему начальству и обнаружить моё отсутствие... Мне тоже было уделено их драгоценное время, причём в достаточном количестве для того, чтобы ускорить темп выполнения плана моей работы на день. Так что можно сказать, день не задался: ни с кем не поболтала (на радость церберам), перекусила тоже наспех, даже не помню, чем (на радость гастроэнтерологу), правда, домой пошла вовремя, на радость самой себе.

День прошёл как-то скомкано, грустно. Усталость навалилась такая, что «отрубилась» я на первом сериале, не вникая особо в суть того, что там происходит...

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ... Я...

Проснулась я отдохнувшей, несмотря на вчерашний перегруз. Станным показалось то, что в холодильнике не было купленных вчера сливок. Я иногда позволяю себе выпить кофе с сахаром и сливками в виде поощрения за соблюдение правил похудения, заключающихся в отказе от вкусняшек в предыдущий день.

Так вот, сливок не было, как и сахара, купленного Танюхой из соседнего отдела в обеденный перерыв по причине невозможности сходить мне туда самой (помните, – много работы...). И тут я вспомнила вчерашнее временное (ударение на третьем слоге) несоответствие, обнаруженное с утра, и напрочь забытое по причине безмерной перегруженности. Самое логичное, что я сообразила сделать – это включить телевизор.

Довольно симпатичная телеведущая жутко неприятным голосом после рекламы, рекламы, рекламы и снова рекламы... напомнила – так и сказала: «Напоминаю, сегодня – понедельник, двадцать шестое января...» Это был шок. В театр-то мы с Лисой, моей подругой, собирались в субботу, 31 января, и этот день не то что не приблизился ни на день, но и сильно отдалился...

Сериалы и объёмы работ не располагают особо над чем-то задумываться (я не про то, что надеть... а вообще), и я

как-то зависла. Мысли в голове не хотели поворачиваться, шевелиться, двигаться, да и... что вообще они там делают... Одним словом, мой мозг «приболел», и я решила (не могу сказать, что решение было волевым, скорее безысходно-пассивным) не думать, а продолжать двигаться вперёд, как ни в чём не бывало, а там будет видно.

Позавтракав, как обычно, бутербродом с сыром и чёрным несладким кофе, нацепив чего-то там на себя и накрасив губы, я спустилась вниз. Машина, как я и думала (это не требовало особого напряжения ума), завелась легко (завтра с поломкой машины и новым соседом ведь ещё не наступило).

На работе я была вовремя, машину удачно поставила практически напротив входа (кстати, вспомнила, что так и было в мой настоящий понедельник) и, поднимаясь на лифте, непроизвольно стала вспоминать, чем же УЖЕ был знаменателен этот день. Как ни странно, но ничего не вспомнила. Да и вообще, мне кажется, что моя жизнь уже давно не отличалась чем-то оригинальным, неординарным, запоминающимся... Всё обыденно, буднично, одинаково.

Ну, театр... Но и там одни и те же пьесы в разных исполнениях, где всё понятно и изучено (лица, туалеты, манера игры) уже в первые двадцать минут игры (мы, театралы, на этом уже «собаку съели»). Ну, антракт, даже три. Это – уже кое-что..., хотя, по большому счёту, тоже ничего нового. Последний кавалер, с которым я познакомилась как раз во время антракта, и с виду вполне даже симпатичный, ока-

зался такой редкостной занудой! Он постоянно мне что-то доказывал (как в анекдоте: «Ведь я привёл Вам 124 доказательства, что я не зануда...»). Я смогла пережить четыре свидания, но когда поняла, что у него ко мне серьёзные намерения, о чём он так и заявил:

– Софи! (Вообще-то я – Софья, но позволяла ему называть себя так, потому как в глубине души была уверена, что всё это – ненадолго) Мы не так давно с Вами знакомы (странно, а мне казалось, что целую вечность я терплю его занудство), но я понял, что мы очень подходим друг другу. Вы – театралка, хороший собеседник (он хотел сказать СЛУШАТЕЛЬ, так как я уже во вторую встречу поняла, что спорить с ним бесполезно, поэтому просто отключалась и думала о своём..., главное, сделать перед этим правильное выражение лица, такое задумчиво-внемлющее...), к тому же без вредных привычек, жилищных проблем, и очень симпатичная. (О да, косметикой я пользоваться умею). Кстати, твою «двушку» и мою «однушку» мы сможем обменять на что-то побольше, с ремонтом, и не обязательно в центре. Я не хочу забегать вперёд...

А вот я уже забежала: моя маленькая, уютная, полученная от любимой бабули в наследство «двуюшечка», в самом центре города, никак не представлялась мне преданной, поменянной, разменянной или что-то ещё, на что-то другое.

Я уже не слушала, как обычно, что он там долго говорил, просто встала и ушла. Мне было лениво объясняться с ним

(я уже говорила, что не очень люблю думать). Я ушла и внесла его телефон в чёрный список. Больше я его не видела и не слышала.

Возвращаясь к лифту, где я не смогла вспомнить абсолютно ничего, о чём могла бы вспомнить через три дня, а точнее, в пятницу, если бы дни сменяли друг друга в обычном порядке, я поднялась на восьмой этаж и, привычно «отбившись» электронным пропуском, очутилась лицом к лицу с главным бухгалтером нашего банка. Чтобы лицо на общем фоне не показалось слишком наглым или умным, поздоровалась и скромно опустила глаза. Однако, подумав (это уже начало входить в мою привычку), озарила себя безумной мыслью: если завтра опять наступит ВЧЕРА, то и последствия моих действий мне могут грозить только сегодня до конца рабочего дня. Но я тут же, как любой нормальный человек, не признающий, или точнее не желающий признавать длительного продолжения ненормальности происходящего, с большой надеждой жаждала возвращения к моей обычной, скучной, серой жизни без сюрпризов и в привычном мне временном континууме.

Так что я, сев на своё рабочее место, включив компьютер и ещё раз убедившись, что сегодня-таки понедельник, начала молиться, не сильно понимая, кому, но неистово, и от всей души, чтобы всё вернулось «на круги своя». Мне даже показалось, что это наказание за неподобающее, недостаточно

трепетное отношение к начальству; сплетни и всякие нехорошие мысли, которые, не так чтобы часто, но время от времени посещают мою голову. И я, молясь, обещала, что если всё вернётся, пусть даже не в следующий день после того, нормального, который я помню, но в любой другой, но в будущем, я стану паинькой: начну ходить в церковь, думать о людях только хорошо (даже о начальстве), любить ближнего, или как там надо, перестану поглощать углеводы, холестерин и всё такое..., начну читать хорошие книжки и кому-нибудь в чём-нибудь обязательно помогу... В общем, старалась, как могла, вспоминая все жизненные правильности, высоконравственные, моральные, духовные...

Работала в поте лица, ни с кем не созванивалась, никого не обсуждала, даже ни с кем не разговаривала (в надежде, что поможет), только что в туалет не отпрашивалась, руку, как в школе, поднимая. Девчонки смотрели на меня, как на «чумачечую», ну это ничего, если сработает – завтра разберусь. Даже с работы я ушла позже на 10 минут (на большее просто меня не хватило).

По дороге домой даже не матюгнулась ни разу и ни одного неприличного жеста не показала ни одному «тормознутому» (ой...) медленно соображающему после тяжёлого трудового дня мужчине (уф...).

И дома я вела себя как паинька, как будто на меня вся страна смотрит. Так моя бабушка любила говорить: «Кушай, Софьюшка, не оставляй ничего на тарелке, на тебя вся стра-

на смотрит...». Ни одной лишней калории, ни грамма холестерина, ни одной плохой мысли – монашка во время поста, не иначе. Спать ложилась, полна надежд...

Следующий день. Лиса

Надежды не оправдались. По телевизору уже с самого утра шли воскресные телепередачи. Нужно было смириться с неизбежным, а так как я не особенно была к этому готова, ничего лучшего, чем выспаться «раз и навсегда», я не придумала.

В одиннадцать часов позвонила Лиса и сообщила «радостную весть», что достала последних два билета, на приличные места, по приемлемой цене, на «Аиду». Грустно было уже оттого, что я знала, что если всё так дальше пойдёт, именно на эту Аиду я уже никогда не попаду. Зато схожу на ту, на которой была месяца два назад. Ну что ж, тоже прикольно. Наверное...

– Помнишь того, своего последнего, прикольный такой.

– Это для тебя он прикольный, а для меня – четыре ужасных свидания. Хорошо ещё, что целоваться не лез, всё же есть свои прелести в интеллигентах.

– То есть себя ты в интеллигенты не записываешь со своими двумя высшими и учёными, врачами, учителями на пять поколений вниз?

– Я – нормальная интеллигентка, без претензий. К тому же – банковский работник, а ростовщики, насколько мне известно, не интеллигенты.

– И с каких это пор ты решила, что в банке работают ростовщики?!

– Ну а кто ж они такие? – Ничего не производят, живут на бешеные проценты, пьют кровь и отбирают имущество у тех, кому не повезло с очередным государственным «выкидоном» ... Пи-пи-пи-пи...

Пришлось перенабирать.

– Короче, не говорят по телефону такие вещи, ты же видишь – разъединили. Приезжай, давай, поговорить надо.

– Супер! А что привезти? Или сходим куда-нибудь? Хотя нет, не хочется. Завтра ведь на работу...

(Ну-ну, это тебе завтра на работу, а у меня – выходной...)

– Короче, звезда, бери шампусик и чеши ко мне.

– Может, рановато для шампусика?...

– В самый раз. С твоими сборами всё равно раньше пяти ты у меня не будешь, так что не стесняйся.

– Ну ладно...

Пока не приехала Лиса, я всё-таки решила привести в порядок свои мысли: что, зачем, почему и как и, самое главное, что мне делать?

В школе я училась очень даже неплохо и самые важные принципы физики, не углубляясь в подробности данного предмета, я усвоила. И один из них утверждает, что время движется только вперёд, типа: «В одну воду нельзя войти дважды». И это – аксиома, то есть неоспоримый закон, не требующий доказательств. Но то, что происходит со мной

сейчас, напроочь опровергает сей факт. А может, это – разновидность шизофрении? Ну нет... Тогда бы эта мысль не пришла мне в голову, а происходящее воспринималось бы как норма...

Так, если я здорова и в своём уме, а происходящее действительно происходит, то куда же девается будущее? Есть ли оно, или моё настоящее обрубает все концы? Я, конечно, слышала про всякого рода параллельные миры, даже увлекалась какое-то время фентези, но в данном случае это как-то не походило на параллельный мир. Может, параллельные реальности? Тогда меня, по идее, должно быть в этой квартире по меньшей мере две. А я-то – одна. Иду, как по ступенькам вниз, по времени. Ой, нехорошо это...

Но, с другой стороны, в этом должны быть и положительные моменты, правда, пока я их ещё не вижу... и, скорей всего, по причине паники. Нет, надо всё-таки отвлечься, развлечься, увлечься... Блин, да где же Лиса?

На часах было 16.30, и я решила приготовить что-нибудь к приходу подруги. К шампанскому, конечно, хорошо бы фрукты и шоколадки. Ни того, ни другого у меня не было, и я решила сбегать вниз, в магазине всё это купить. И тут меня посетила сумасшедшая мысль. Я посчитала все свои имевшиеся в наличии деньги, а было их всего 600000 рублей, и решила всё сразу и спустить: ведь завтра же, во вчера, у меня их останется столько же... Вот я и нашла уже одну приятную сторону своего теперешнего положения.

Я быстренько оделась и сбежала вниз. Краситься, однако, поленилась, что совсем несвойственно мне. Я из тех неисправимых оптимисток, которые верят, что принца можно встретить везде, даже на лестничной площадке, вынося ведро с мусором.

Магазин находился в моём же доме, только с обратной стороны. Я накупила винограда, шоколада, хурмы, мандаринов, сыр, бутылку Мартини, шампанское и ещё чего-то, что укладывалось, по моим приблизительным подсчётам, в имеющуюся у меня наличность. В общем, я потратила всё, гулять так гулять!

Лиса стояла возле моей двери, и недовольное сначала её лицо, с потрясающей скоростью (меня это всегда завораживало, – я так не умею) менялось на восхищённо – обрадованное, после того как она разглядела мой объёмный полупрозрачный пакет со всем его содержимым:

– Нифигасебеееее!!!... У ты ж день рождения-то уже был. Неужели это ты меня так рада видеть?!?!?!?

– Ты обрадуешься ещё больше, если я скажу, что да? Мне просто интересно будет увидеть это ещё никем не изученное выражение твоего лица.

Пока мы сервировали стол, я всё думала, как объяснить ей всё то, что со мной сейчас происходит. И как ни крутила, понимала, что я сама в жизни бы не поверила, если бы мне кто такое рассказал. Если бы мне рассказали этот бред, я бы, в худшем случае, психушку вызвала, а в лучшем, ес-

ли бы это моя подруга была, например, Лиса, остороженько отвезла бы её туда сама.

Для фона поставила на телек свой любимый фильм, «Гордость и предубеждения», с Колином Фёртом. Меня этот фильм всегда успокаивает.

— Так о чём это ты со мной поговорить хотела? Или просто так, чтоб меня завлечь, это сказала?

— Блин, Лиса, зачем мне тебя завлекать, если ты итак придёшь? И ты, и я прекрасно об этом знаем.

Надо сказать, что Лиса уже год как была в разводе. Протерпев своего увальня-мужа пять лет, пытаюсь стать добропорядочной женой, заботливой, чуткой, нежной; терпя издевательства свекрови по поводу своего происхождения из деревни в области (свекровь-то из деревни поближе, из района); махнув рукой на собственное женское здоровье, связанное с отсутствием влечения со стороны мужа по причине его обжорства и, как следствие, ожирения и импотенции; она послала всё семейство мужа во главе с ним в... куда подальше и развелась.

Сейчас она жила с ним в одной квартире и, набравшись опыта в том числе и у свекрухи, медленно, но целенаправленно «выедала» ему мозг, «пила кровь» и пользовалась, как музыкальный инструмент, нерв, что, кстати и почему-то, никак не влияло на его вес и шарообразную форму. Наверное, особенности его породы...

Поэтому, разумеется, ей было гораздо приятней прово-

дить время у меня. Одно время Лиса даже хотела переехать ко мне, а комнату свою сдавать, но одно дело – подруга, иногда приходящая, а совсем другое – живущая с тобой вместе. Это уже как член семьи, а в моём представлении семья – это муж, жена, дети, ну и в каких-то редких случаях – бабушки-дедушки. Другими словами, я – человек с традиционными, можно сказать классическими представлениями о жизни и семье.

Подругами мы, конечно же, остались, – Лиса абсолютно не злопамятная и быстро отходящая, но, при случае, всене-пременно напоминала о моём неполном соответствии роли лучшей подруги. Ну да ладно. Выпив по бокалу мартини, бросив взгляд на экран и прослушав историю об операции «как я доставала билеты в театр», я решилась.

– Послушай, Лиса, ты ведь достаточно долго и хорошо знаешь меня и уверена в моей нормальности...

Надо отметить, Лиса умела слушать, не перебивая и внемля каждому слову, даже с выдержанными паузами.

– Так вот, то, что я тебе сейчас расскажу, это даже не потребность в совете или понимании, а скорее возможность услышать себя как бы со стороны и убедиться ещё раз, что я не сошла с ума... Помнишь, мы с тобой как-то давно фильм смотрели, «День сурка» называется?

– А, ну да, это когда мужик постоянно возвращался в один и тот же день, и...

– Да, именно этот. Так вот, со мной происходит нечто по-

добное, только я не в один и тот же день возвращаюсь, а все время – в предыдущий. Это началось со среды. Проснувшись на следующий день, я оказалась не в четверг, а во вторник... Как-то так. Следующий день – понедельник. А завтра, если ничего не изменится, лично у меня будет суббота. И, если не загружать тебя и себя квантовой механикой и какой-то там физикой, я ничего не понимаю. Время ведь не может идти назад. Теоретически.

Лиса молчала. Подбодренная отсутствием неприятия с её стороны, я продолжила смелее:

– И, если исходить из твоей любимой теории, что всё происходит не просто так, то я постоянно думаю: почему это со мной происходит, для чего и что мне делать?

Когда к Лисе обращаются с практическими вопросами, Лисин мозг начинает работать по-особенному: она никогда не пытается по-девичьи, по-подружечьи успокоить, покачать в объятиях и утешить ласковым словом. Она начинает искать выход и пытаться ответить на заданные вопросы. В частности, вопрос «что делать?» разбудил зависший было мозг, и она начала выдавать варианты.

– Ну, если это не какой-нибудь развод твой, а я знаю, ты на такое способна...

– Неужели это похоже на развод с лампочкой? В позапрошлую субботу (хотя для меня, похоже, уже в будущую), я по телефону убедила её, что стала наблюдать за собой странные вещи, в частности, если приложить к моей ноге розеточ-

ный ночничок, он сначала моргает, а потом начинает гореть, как будто включенный в розетку. Говорила я серьёзно, а она, падкая на всякого рода чудеса, примчалась ко мне даже наполовину накрашенная, с порога крича: «Покажи!!!». Возможно, это было жестоко: ржать над тем, как она тыркала в мою ногу вилку ночника и щелкала выключателем на нём. Но нам с Надюхой и её старшей дочкой, отпущенными мужем на три часа, срочно нужен был четвёртый игрок в боулинг на дневной сеанс. Если бы Лиса так не спешила, мы бы с её сборами никуда не успели...

– Ну да, не похоже. Свидетелей нет, а долго терпеть, чтоб не заржать, ты не можешь. Поэтому я тебе верю. Но ты же понимаешь, что если в завтра ты не попадёшь, то я-то как раз попаду и буду помнить обо всём, что ты мне рассказала, а во вчера тебе от меня никакой пользы не будет, так как вчера ты мне ещё ничего не рассказала...

– Логично, я об этом как-то не подумала. То есть мне придётся тебе каждый день это рассказывать по-новому? Блин, это утомительно... Корочество, надо сейчас выдавить из тебя все соображения по-максимуму, на который ты только способна.

– Наливай!

– Может, лучше на трезвую голову?

– На трезвую такие вопросы не решаются.

– Возможно, ты права.

В общем мы «наржались», нажрались, позвонили соседу

с гитарой, чьи песни на трезвую голову слушать невозможно, пропели с ним весь его репертуар, добавили свой, пообщались с вызванным соседкой «под нами» нарядом милиции, попели, попили ещё и с ними, и заснули, даже уже и не помню, как...

СУББОТА. ТАНЮХА

Прелесть моего теперешнего положения я чётко ощущала в том, что просыпаясь утром предшествующего дня, чтобы я ни творила накануне, чувствовала себя замечательно: голова не болит, не тошнит, рот не сушит. В общем, прелесть одна. Лисе я, договорившись сама с собой, решила даже не сочувствовать. Нам с ней сейчас не по пути. Мы можем пересекаться хоть каждый день, но ЗАВТРА у нас у каждой – своё. А если у тебя с человеком нет не то, чтобы будущего, но даже и завтра будущего, то лучше на нём особо не заморачиваться.

Попыталась вспомнить, что же было у меня в субботу, мною уже прожитую. Проснулась, умылась, позавтракала, привела себя в порядок (в смысле накрасилась), оделась и потопала в Столицу встречаться с Танюхой, из банка. Она хотела купить себе сапожки, а я – просто так пройтись, а может, чего-нибудь и себе насмотреть-присмотреть. Прободаявшись почти до вечера, перекусив в кафешке и ничего не купив практически, я всё-таки умудрилась оставить там почти пятьсот тысяч. Часов в восемь разошлись по домам, она – к своим трём дочуркам, а я – к телеку и Камеди-клубу.

И тут передо мной встала дилемма. Стоит ли мне попытаться повторить день или же придумать что-нибудь новое. С Танюхой мне всегда было интересно общаться, у неё –

весьма своеобразный взгляд на вещи, совершенно не такой, как принято в обществе.

Ну вот, например, стоит ей пожаловаться на кого-то, кто меня подвёл, обидел, она не будет жалеть, а будет заставлять напрягать все свои мозги, сердце и душу, и чтобы они в альянсе разобрались, почему именно этот человек так с тобой поступил. Не сама ли ты являешься провокатором данного поступка... что ЖИЗНЬ хочет тебе этим сказать и что на самом деле ты должна делать, в том числе и какие выводы. Уф. Ну вот, как-то так. Многие её не понимают, в частности, что она от них хочет, когда сам-то человек хочет лишь одного – чтобы его пожалели, обняли, сказали какой с... ка тот, кто его обидел, и делов-то. Но Тане этого было совсем недостаточно. Она всегда хочет, чтобы человек рос над собой, развивался, учился... И причём такое отношение у неё ко всем без исключения, кто бы к ней ни обращался.

Мне это почему-то нравится. Я воспринимаю это как игру: угадай, что Я думаю о том, что Тебе хочет сказать Твоя ЖИЗНЬ.

Интересно, как она отнесётся к тому, что я ей расскажу о моей развернувшейся в обратном направлении той самой ЖИЗНИ? Нет, всё же надо встретиться обязательно. Во сколько мы там планировали? Блин, не помню, ведь столько времени прошло... И тут она сама позвонила:

– Привет, ну что, всё в силе? Встречаемся через два часа на входе?

– Конечно, Танусь. Давай, до встречи. К тому же мне есть, что тебе рассказать необыкновенного, что со мной происходит.

– Интересно, что же это за вечер «такого» с тобой уже могло произойти?

– Боюсь, если расскажу, ты встречаться со мной не захочешь, а порекомендуешь к доктору какому-нибудь, из своих знакомых, обратиться, – интриговала я.

– Да, ты меня заинтриговала. Так не можешь рассказать, хоть намекнуть, о чём речь?

– Всё, не могу, До встречи. – И нажала отбой.

Времени было предостаточно. Я плюхнулась на кровать, раскинула руки и, следуя обычным рекомендациям Танюхи прислушаться к себе и своим ощущениям, стала прислушиваться...

Не слышала я ничего, только какую-то навалившуюся вдруг усталость ощутила. Но ведь должен же быть во всём этом какой-то смысл?! Вряд ли это какая-то ошибка природы, или что-то такое, недоступное человеческому пониманию, воздействию, влиянию, восприятию... Ещё мне стало вдруг интересно, до какого момента своей жизни я таким образом дойду и будет ли остановка, или я дойду до момента своего рождения. И ещё я подумала о том, буду ли я при этом молодеть или же мои года будут прибавляться ко мне и назад. А вот и, правда, интересно... Но об этом я смогу узнать только попозже.

То, что со мной что-то происходит, я посчитала, должно как-то отражаться на моём внешнем виде. Поэтому я решила коренным образом поменять его. Вместо ярко накрашенных глаз и бледной, еле заметной помады, я практически «под ноль» светлыми тенями «убрала» глаза и почти – брови, зато откопала в загашнике ярко-алую помаду и от души намазала ею губы. Получилось... ничё так. На удивление. А свой привычный гардероб в «офисном» стиле заменила на «городские панки». Так Лиса называла мои, привезённые сестрой из Швеции, джинсовые штанишки, пиджачки, маечки, шарфички, гольфички и всё такое, что лежало в моём чемоданчике на дне шкафа и никогда раньше мной не надевалось. Ну, вот пришло и их время.

Покомбинировав перед зеркалом и получив массу удовольствия от необычности, оригинальности и нейсвойственности моему стилю увиденного, я остановилась на свободных, размера на два больше моего, джинсах, типа «бойфренд», под ремень на бёдрах и футболке сливового цвета. Сверху – розовая майка и коротенький синий пиджачок. Привела свою кучерявость в легкую, зафиксированную пенкой и лаком, небрежность. Надела кучу, какую только смогла откопать, всяких фенечек, огромнящих колечек и браслетов.

Оценив дополненный ботинками на толстой платформе, коротким пальто и огромненным алым шарфом, образ в большом зеркале коридора, я поняла одну вещь: в банк

я больше ходить не хочу. Вот куда угодно, хоть на паперть, только не в банк.

Как я и ожидала, Танюха, в своей шикарной, длиннющей, лёгкой дублёнке и на высоченных каблуках, меня не узнала совсем, даже два раза на меня мельком взглянув. И когда я к ней подошла вплотную, она даже закашлялась, потому как глотание слюны и шок от увиденного у неё произошли одновременно...

– Да, дорогая, теперь я точно вижу, что с тобой что-то происходит, – произнесла она, откашлявшись, – ты что, поменялась одеждой с наркоманкой?

– Это кто такая? Я не знаю таких. Тебе что, не нравится? Я всё утро потратила на подбор туалета, – соврала я – и, по моему, вышло классно...

– Да, но мы посмотримся, как мамка с переростком-подростком...

– А мне, почему-то, всегда казалось, что тебе глубоко фиолетово, кто и что о тебе скажет и даже подумает.

– Ну, это да. Только как-то глаз режет, особенно помада и отсутствие глазок.

– Привыкай. Ведь ты же меня не за внешний вид любишь?

– Нет, конечно. – Смутилась она. Но давай лучше с тобой просто погуляем, а то я себе вряд ли под воздействием твоего нового внешнего вида смогу адекватно выбрать сапоги. Кстати, я надеюсь, в банк ты не в таком виде придти собираешься?

– После того, что я тебе расскажу, тебя это смущать уже не будет...

– Твоя интрига достигла своего апофеоза, – сумничала она, – пошли скорее в кафешку, там всё расскажешь.

Минут двадцать я рассказывала ей свою историю, минут десять Танюха соображала, не является ли мой рассказ дополнением к образу (ну мне так показалось), а потом заявила:

– Так это ж здорово! Похоже, где-то ты совершила ошибку, споткнулась, так сказать, и тебе дают шанс её исправить.

– Хорошо, а если я эту ошибку в далёком детстве совершила, так мне придётся лет десять-двадцать день за днём проживать назад? Оно-то, конечно, спасибо за дополнительные годы жизни, но что-то мне как-то стрёмно назад жить... Слушай, а если я умерла и всё это со мной не по-настоящему происходит?

– Тогда выходит и я не по-настоящему. А у меня-то как раз всё хорошо. Даже бывший потихоньку в себя от развода приходит и меня почти не трогает.

– Ну да, это здорово... А мне вот интересно, в Твоём, настоящем Завтра, ты будешь мой рассказ помнить или всё же ты попадёшь в тот вариант будущего, из которого я вернулась?

– Это, конечно, хороший вопрос, но, похоже, ты об этом не узнаешь, а я тебе не расскажу...

– Знаешь, я как бабочка-однодневка и имею полное право

жить по принципу «после меня – хоть потоп...».

– Конечно, но пока мы точно не знаем, какой вариант Завтра будет у всех остальных, в частности, у твоих друзей, а ещё «частней», у меня, ты все-таки не забывай задумываться о последствиях, хорошо?

– Ты хочешь сказать: «Ядерные кнопки не нажимать».

– А у тебя такие мысли давно возникли, про ядерную кнопку?

– Да ладно тебе, только что придумала...

– И ещё, ты должна всегда помнить, или даже надеяться, что в один прекрасный момент это всё закончится. А вообще, ты бы повспоминала, какие ошибки ты в своей жизни совершила, какие-нибудь важные, страшные и непростительные. Может, тем самым ты приблизишь развязку...

– Ладно, подумаю на досуге. Чем займёшься сейчас?

– Странно, ты можешь думать о чём-нибудь ещё?

– Я же тебе уже говорила, что у меня хороший психологический иммунитет, иначе я давно бы уже свихнулась. Слушай, а может всё это – какой-нибудь эксперимент, в котором проверяется предел моего иммунитета!? И всё это, всё же, не по-настоящему!?

– Тебе так хочется верить в нереальность происходящего...

– Я на тебя бы посмотрела в моей ситуации.

– Мне нельзя, у меня дети маленькие... Слушай, если ты говоришь, что мы с тобой уже встречались в этом воскресе-

ные, так ты мне скажи, купила я сапоги или нет.

– Нет, Танюх. Не судьба тебе их сегодня купить.

– Ладно, тогда пойдём просто погуляем.

Мы полазили ещё по торговому центру, я опять потратила уйму денег, ещё и Танюхиным детям подарочки сделала, ведь какая разница, если вчера у меня всё равно столько же денег и останется. Даже зашли в дорожную кафешку в центре и выпили по горячему медовому грогу со вкусными пирожными.

Но особенно нас развеселили взгляды посетителей, постоянно бросаемые на нас. И особенно один мужчина. Он смотрел на меня с каким-то напряжением, как будто пытался вспомнить, где видел меня раньше, но не мог. Его дама, эффектная блондинка с шикарной попой (я о такой всегда мечтала), слегка нервничала и постоянно оборачивалась на нас, так как сидела к нам спиной.

– Ты его знаешь? – Заметила его взгляды и Танюха.

– Неа, первый раз вижу, но дядечка симпатичный, не находишь?

– Да, только похоже, его женщина тоже так считает.

– А что мне его дамочка, если наше с ними завтра расходится в прямо противоположных направлениях?

– Ты про меня-то не забывай. У меня-то с ними завтра общее.

– Ага, ну конечно, когда он завтра, как обычно, зайдёт к тебе во внутрибанковскую бухгалтерию на восьмой этаж,

тебе вдруг станет нестерпимо стыдно за подругу... Вероятность – один к миллиону и это если завтра для тебя всё-таки изменится.

И тут случилось нечто странное: дамочка вскочила, схватила сумочку и понеслась к выходу, бросив на меня злобный взгляд и прошипев: «Стерва... ш-ш-ш-ш...» А мужчина, тряхнув головой, решительно встал и подошёл к нашему столику.

– Простите мою жену. Но я просто обязан спросить: где мы с вами встречались? Нет, не подумайте, что я к вам клеюсь таким образом, но у меня очень сильное ощущение, что я вас знаю, но никак не могу вспомнить, откуда.

У него был такой приятный спокойный голос, что хотелось, чтобы он говорил и говорил, но пауза предполагала мой ответ. Меня даже Танюха под столом ногой пнула.

– Нет. Честно говоря, у меня тоже странное чувство, как будто я знаю ваш голос, но тоже не помню, откуда. А вас я точно вижу впервые. А как вас зовут? Может имя мне что-то скажет?

– Клим.

– Нет, такое имя я бы точно запомнила.

– А вас случайно не Софья зовут?

И тут моё сердце ёкнуло очень сильно. Блин, почему!?

– Откуда вы знаете моё имя?

– Не знаю сам. Просто знаю, и всё. Ужасно странно...

– Так, ладно. Вы, ребята, тут выясняйте, откуда кто кого

знает, а мне уже идти пора. – Встала из-за столика Танюха.

– А я вот думаю, что это мужчина должен за своей женой бежать, а то убежит ещё... насовсем... – почему-то испугалась я, но не её побега, а остаться с Климом наедине. И это я, у которой и завтра-то не фига нет, хотя я и так девушка – не из робкого десятка. Что на меня нашло?

А Клим засобирился:

– Да-да... Простите... Как-то неловко получилось. Извините ещё раз. Можно я в виде компенсации и извинения заплачу за ваш заказ?

В один голос мы с Танюхой выдали прямо противоположные ответы: Она – ДА, а я – НЕТ! Мне-то не жалко было моих денег, а ей как раз жалко – она девушка вообще практичная и денежки считает хорошо. (Кстати, совсем недавно я и сама такой же была, – на банковскую зарплату, вопреки всеобщему мнению, особо не побанкуешь. Банкир и банковский служащий – совершенно разные вещи).

Клим улыбнулся (как он улыбался!), ещё раз кивнул головой в знак прощания и ушёл. И тут до меня дошло, что он мне безумно понравился. А ещё, что больше я его никогда не увижу. Наверное, всё это было написано у меня на лице, потому что Таня, тихонько беспричинно (простывшей она не была) откашлявшись, сказала:

– Ты же всегда была категорически против любых интрижек с женатиками...

Почему-то больше всего меня возмутило слово «интри-

жек». Неужели она не понимает, что тут что-то другое, и уж точно – совсем не интрижка!?

– Откуда он знает моё имя? Ведь ты ни разу меня по имени не назвала, я помню. Но то, что раньше я его ни разу не видела – это факт. ТАКОГО я бы точно запомнила.

За наш заказ Клим всё-таки заплатил, хотя деньги были немалые. Попрощавшись с Танюхой возле её остановки, я загрустила. Почему-то я вдруг осознала всю трагичность отсутствия в жизни будущего. Я имею в виду нормального, правильного, как у всех нормальных людей, будущего...

Но не застрелиться же теперь из-за этого. Ну уж нет. Если есть начало, то должен быть и конец. Во всяком случае, теоретически. Клим не выходил у меня из головы: высокий, чёрненький, зеленоглазый, тонкий, неброско, но со вкусом одетый. А голос!.. А улыбка!..

Дома, уже ложась в постель, я приняла важное решение по поводу завтрашнего дня, то есть пятницы – на работу я не пойду. Сильно нарываться, конечно, не буду, мало ли что, скажу, что заболела и останусь дома. Точка. Хватит драгоценное время на всякую ерунду тратить.

ПЯТНИЦА. ТУХАН

Утром я позвонила начальнице и скрипучим голосом, включив весь свой актёрский талант, сказала, что заболела. Поверили мне или нет – меня особо не волновало. Скажите спасибо, что вообще позвонила...

Что делать? Решила съездить на работу к Лисе (ну не к себе же). Она работает в салоне красоты «Кэролин» администратором и по совместительству является совладелецей.

Особенно не заморачиваясь о последствиях, прикольно наблюдать за реакцией людей на свои не совсем адекватные действия. Увидев меня в одиннадцать часов дня у себя в салоне, Лисино лицо смешно вытянулось от удивления:

- Ой, а чего это ты тут? И в таком виде...
- В гости пришла. Чё, не рада?
- Кофе будешь? – не ответила она.
- Буду.
- А чё не на работе?
- Надоело. Не хочу.
- Неужели нашла любовника богатого и падкого на такой панковский вид? Так вот должна тебя предупредить: он – извращенец.

У Лисы был один замечательный талант, – она могла разговаривать как будто с тобой, но на самом деле, задавая вопросы, сама же на них и отвечала. Иногда это очень да-

же удобно, особенно когда разговаривать не хочется, думать не хочется, можно даже вздремнуть, при этом Лиса нисколько не обидится. Чего там, с умным человеком всегда приятно поговорить... Но иногда это бесило, особенно когда поговорить самой всё-таки хотелось.

Сейчас был как раз второй вариант – я выпалась, и мне хотелось поговорить.

– Лиса! Всё. Ха-рэ! Любовника я не нашла, на работу не пошла, могу помочь, только полы мыть не буду.

– А чем это ты мне помочь-то можешь?

– Да чё хочешь! Хочешь – за тебя посижу – поадминистрирую. Хочешь – маникюр кому-нибудь забомблю, да и постричь могу...

– Да ты чё? В своём уме? Ты чё, с бодуна? Мы ж вроде с тобой вчера только по бокальчику шампусика выпили. Неужели без меня?! Колись – кто он?

– Всё, Лис, сдаюсь. – Подняла я вверх руки. – Не хочешь помощи, ладно. Я тогда пошла...

– Стоять! Я в магазин сбегая, а ты меня прикрой минут на двадцать. Клиентов быть не должно, рано ещё. Только ничего не трогай, а то твоё рвение меня пугает. Потом расскажешь, почему не на работе... и убежала.

Для меня ничего не трогать было проще простого. Меня никогда не привлекали разноцветные фантики в виде реклам, визиток и всякой бумажной мишуры, которая, по мнению Лисы, должна быть обязательным атрибутом стола ад-

министратора салона. Но тут звякнул колокольчик входной двери, и в зал вошла женщина, показавшаяся мне знакомой. Причём до боли. Это был мой директор департамента.

И чего это она тут делает? Я-то, понятно, болею. Она, кажется, была не согласна с моим про себя произнесённым аргументом.

– Никитина!?!?!?!?! (Именно так) Ты что тут делаешь!?!?!?!?!?

Я было собралась что-то врать, включив всё своё воображение и актёрское мастерство (мне казалось, оно во мне иногда просыпалось), а потом чего-то так подумала и, наверное, неожиданно даже для себя самой выдала:

– А вы? Разве вы, Галина Николаевна, сейчас не должны быть на работе? Или вы сейчас в налоговой для всех? Вот я, например, для всех – болею. А вы где? А?

– Ты что, Никитина, совсем страх потеряла? Ты как со мной разговариваешь!?!?!?

– Вообще-то, пока на Вы. Но, если вы настаиваете, то страх я, похоже, действительно потеряла вместе с уважением к Вам, поэтому с лёгкостью перехожу на ТЫ. Так вот, пока такие как Ты занимают руководящие должности в банке, желание там появляться у народа будет пропадать с каждым днём!...

Я хотела ещё много чего сказать ей гадкого, обидного и даже с матом, но почему-то передумала и остановилась, увидев, как у неё всё трясётся: и губы, и руки, и даже сумочка

в руках ходуном ходила. Поэтому лишь добавила:

– А Валентину Валерьяновичу я позвоню и скажу, где вы находитесь в рабочее время. (Блин, всё-таки ВЫ. Как все же сложно искоренить в себе привычки, выработанные годами).

С криками: «Ты уволена!» она кинулась к двери, чуть не сбив вернувшуюся из магазина Лису.

– Что это было? – Уже во второй раз за сегодня вытянулось её лицо.

– Надеюсь, она – не ваш постоянный клиент.

– Да вроде нет. Хотя цвет лица был такой красный, что перебивал все черты...

– Да ладно, не развивай тему, проехали.

Правда, пришлось всё же рассказать, в общих чертах, дополненных подробностями выскочившими парикмахершами. По их виду было видно, что день задался. Их даже не расстроила потеря потенциального клиента. К тому же они все как одна были на моей стороне.

Как, оказывается, легко быть крутой, не будучи обременённой будущей ответственностью на период не дальше сегодняшнего дня!

Но Лиса, похоже, расстроилась. Она была очень щепетильна в вопросах репутации и возможные последствия моего разноса потенциальной клиентки её огорчили. Честно скажу, я не из тех милых подружек, которые готовы обнимать и лобызать своих расстроенных подруг. Могу вместе напиц-ц-ц-а, пошуметь, поднимая настроение... поэтому я

потихоньку ушла.

Погода стояла совсем не зимняя, а скорее весенняя, и я расстроилась, что грядущая для всех людей весна от меня только отдаляется. Грустно, потому что, не работая на работе, не забивая мозги цифрами и всякой ненужной информацией (ну лично для меня ненужной), начинаешь ощущать вкус жизни, а по венам ощущается тёплое течение готовой к весне и подвигам крови. Сердце ёкнуло, и я вспомнила Климата. Мне показалось, что наша встреча была вовсе не случайной, что есть в ней какой-то смысл. Какой-то неконкретный, ускользающий, но ощущающийся, как таковой...

Может, мне на досуге заняться поисками его? Ну, уж нет! Никогда в жизни я ни за кем не бегала. Правда, Лиса сказала, что именно поэтому я и замужем никогда не была. По её мнению, мужчин надо брать «тёпленькими» и не отпускать от себя ни на шаг до самого ЗАГСа. А если вырвется, то можно и побегать... Правда, анализируя её жизнь, не скажешь, что её принципы – один из лучших вариантов, и, в итоге, мы пришли к одному финалу: я одна, и она – одна. (По поводу себя у неё, конечно, куча оправданий и смягчающих обстоятельств, поэтому она всё равно права.)

Захотелось сладенького. В кафешке, в которую я зашла съесть мороженое и выпить кофе, никого не было. Даже телек показывал клипы беззвучно, что почему-то радовало: совсем не хотелось портить зрелище сексуального роскошного тела какой-то блондинистой певички жутким, как правило,

голосом и мотивчиком. Пусть лучше молча кривляется.

Я решила позвонить Настёне в банк и узнать, в каком состоянии начальница, может, уже можно зайти вещи забрать.

– Привет, как дела?

– О, привет. Нормально.

– У вас всё тихо?

– Ну да, как обычно. А чё это с тобой. Говорят, заболела, говорить совсем не можешь.

– Ну, это не со всеми, с тобой-то получается...

Она рассмеялась, а я поняла, что директорша молча проглотила обиду и не собирается учинять мне расправу, во всяком случае, не сейчас. Даже обидно. Может, всё-таки заскочить в банк? Да нет. Это будет жестоко, а я всё же – человек не жестокий и добивать упавшего и побеждённого (как мне нескромно кажется) – не в моих правилах.

Рассчитавшись по счёту, я побрела по январско-весеннему солнечному городу, в направлении дома. В животе было вкусненько от мороженого и тёпленько от кофе и хотелось ещё чего-нибудь хорошего для души. Хотелось общения лёгкого, душевного, не отягощённого никакими, особенно чужими проблемами. Взяв телефон и покопавшись в справочнике, решила позвонить... кому-нибудь, кто сможет уделить мне внимание прямо сейчас, в пятницу днём.

После пятого «прощания», дёрнул же меня... позвонить своему престаринному товарищу-неформалу, причём во всех формациях, как он сам о себе любил говорить, ещё

по институту. Мы с ним не так давно встретились случайно в метро и исключительно, чтоб отвязаться от него и не давать свой номер телефона, наскоро записала его номер и, сославшись на «убегаю-опаздываю-позвоню прям завтра», сбежала. И это ж надо было так сложиться: и телефон-то я записала правильно, и набрала я его зачем-то, пусть хоть и шестым, и трубку он поднял, словно с того самого дня не выпускал из рук в ожидании моего звонка.

– Хай, прикольно, у тебя завтра через месяц наступил...

– Привет, но ведь позвонила, – всё больше жалела я, к тому же, я напрочь забыла, как его зовут... как-то очень неформально...

– А мы тут с Рыжим, типа поспорили, он говорит мне: «Тухан! (О, точно, припоминаю – производная от Тутанхамон. Он почему-то им впечатлялся особенно) Сонька не позвонит, она и раньше-то от тебя бегала, как чёрт от ладана (странное сравнение), а щас и даже не фига не воображай себе...» А я ему говорю: «Это, блин, судьба! Раз встретились, значит, и ещё раз увидимся (странная логика). Ты где, Сонь, щас примчусь».

– Да я тут, рядом с цирком... где-то.

– Всё. Стой, где стоишь. Буду прям щас. Слу-ушай, сколько мы не виделись-то с тобой, лет десять!?

– Ой, да не считала я. Десять – двадцать – разница-то какая, – пыталась нарваться я, но он не то что никак не хотел обижаться, но даже, похоже, меня и не слышал. «КЛИМН!

Это ж надо было так вляпаться...»

– Чем занимаешься? Или на содержании? – Хихикнул гаденько он, ты-то девчонка всегда чё надо была. А хочешь, я тебя себе возьму?

– Стоп. Это как – себе возьму?

– Ну, на содержание... – тут я вспомнила Лису и её чудную привычку мысленно отвечать на свои собственные вопросы и делать на этом основании выводы, которые правильными оказывались... да никогда не оказывались.

– Слушай – всё. Это какая-то ошибка. Извините, я неправильно набрала номер. ПИ-ПИ-ПИ..., и я нажала отбой.

В этот самый момент ко мне подъехала жуткого вида, непонятно какой породы, чудо-тачка с откинутым верхом. (Нет ничего логичнее зимой).

– Ёх-х, ты – чудо. Садись, прокачу с ветерком.

– Боюсь, твой ветерок до воспаления лёгких довезти может. Давай в другой раз, ближе к лету...

– Да ладно, чё тебя, силой, что ли, запихивать, – начал было вылезать из машины он.

И всё же насколько сильно в нас годами и веками укоренилось нежелание скандалить на публике! Дома, в узком кругу, – всегда пожалуйста, а вот на людях, – так-то нет – все приличные...

– Всё, я сама, – и запрыгнула в это затюнингованное (даже заперетюнингованное) чудо машиностроения. – Куда едем?

– Да куда захочешь, только заскочим на секундочку к чу-

вачку одному, и я – весь твой. – (Вот уж счастье!) А ты, я смотрю, приличным человеком стала, а то в прошлый раз у тебя прикид совсем тётошный был, как у неродной. (О, братец, с тобой больше народу не согласится, чем наоборот.)

Вёл он, конечно, здорово, как будто это не у меня будущего нет (пока, во всяком случае), а у него. Я пониже спустилась на удобном, надо сказать, сиденье (чтоб не дуло) и в общем, было неплохо. Скорость и жуткая на слух (хоть и не шансон, за что спасибо) музыка стали вырабатывать у меня адреналин, и я начала входить в раж.

Где-то на окраине, Тухан вышел, крутанувшись на скользкой стоянке вокруг своей оси (вместе со мной и машинкой, разумеется), ничуть не смутившись, вышел, прошёл мимо неприятного вида и неопределённого возраста человечка, наклонился, что-то подобрав (я это точно видела), прошёл ещё метров десять, потом развернулся, как будто что-то забыв, и вернулся к машине.

Парень он был симпатичный, но абсолютно безбашенный. Хотя сумасшедший напор и харизма заражали, заставляя полностью выключать весь здравый смысл, выкидывать из головы разного вида сомнения и плыть по течению, организованному энергией Тухана. (Как же его всё-таки зовут по-настоящему?)

Мы выехали на трассу, спустились в частный сектор (я плохо знаю этот район) и остановились в безлюдном месте. И когда Тухан вынул из-за пазухи маленький свёрточек

и развернул его, в мою душу закрались нехорошие сомнения...

– Давай покурим! Помнишь, как раньше, весело же было?!

– Насколько я наслышана, то, что было раньше, было натуральным, хотя и вредным; а сейчас, говорят, сплошная химия, причём до конца не проверенная даже на крысах. Не хочется быть подопытной крысой.

– Ты мне не доверяешь!? Не одна тварюга не посмеет слить мне гнилой товар. Я – хороший клиент, с деньгами и репутацией.

– Ну, я ж не знаю... а может, ты кому дорогу перешёл и тебя сознательно убрать хотят, – не сдавалась я.

– Ты чё, подруга? В нашем деле дальше сегодняшнего дня планы не строятся, в том числе и мести. Не бзди, ты – со мной.

Последние слова... (нет, предпоследние) избавили меня от последних сомнений. Я курила. Как-то правильно...

И были мысли, и были чувства, и слова, и всё наоборот, и вперемешку... И я ехала... Вела машину... Пела... Здорово, что совсем не понимала... И было весело... и грустно... не помню, от чего... «Я ЛЮБИЛ ТЕБЯ ВСЕГДА... С ТОБОЙ ХОТЕЛ БЫТЬ ВСЕГДА... И УМЕРЕТЬ...» Не помню, от чего из этого всего было грустно, а от чего – весело... Я смеялась... Потом вспышка... Яркая – прелекая... Множе-

ство цветов... необыкновенных... и... боль, нет – БОЛЬ...
так, что хотелось умереть, но было смешно от самой мысли... и..., кажется... ВСЁ!

ЧЕТВЕРГ. СРЕДА

Проснулась я от крика. Причём своего. Причём при этом звенел будильник, зачем-то поставленный на семь часов. И я всё помнила. И меня стошнило прямо на пол. Я, конечно, девушка не впечатлительная, но пережить собственную СМЕРТЬ, – это как-то слишком. Нет, я не видела никаких коридоров, света, не слышала голосов, но я всё помнила, все свои чувства и ощущения. И меня ещё раз стошнило.

Целый день я ходила, как сомнамбула. Я ни о чём не думала, боялась. Не отвечала на телефонные звонки. Даже не смотрела, чьи звонки. Просто не отвечала. Ела. Много. Съела всё, что было в холодильнике и сварила почти всё, что было в шкафчиках, и тоже съела. Меня тошнило уже от еды и от этого почему-то стало легче. Кто-то позвонил в дверь, но я не подошла к двери, а затаилась. Молча, бездумно, тихо, безнадёжно. Звонить перестали. Телефон разрядился. Прошёл день...

Следующий день был почти таким же, но без тошноты.

Проснулась от будильника, заведённого на семь. Есть не хотелось совсем, вообще, хотя холодильник и шкафчики были опять заполнены едой. Кто-то звонил в дверь, но недолго. Включила телевизор – там что-то тихо показывали. Вечером задумалась, какой день недели. Не могла никак сооб-

разить, что-то мешало. Опять недолго звонили по телефону и в дверь. Подумала: может, открыть, ответить, но с дивана так и не встала. Так и уснула, на диване.

ВТОРНИК, 20.01.2015г

Проснулась в кровати и посчитала, что сегодня – вторник, двадцатого января. Включила телевизор и убедилась в этом. Процесс соображения начал потихоньку восстанавливаться. Раздался звонок.

– Никитина, ты чё, вообще, страх потеряла, – вместо приветствия услышала я голос Настёны. – Тут весь этаж на ушах стоит: уже пол-одиннадцатого, а от тебя – ни слуху, ни духу, и на телефон только сейчас ответила...

– Скажи, что я умерла, – почти не соврала я и нажала отбой.

Мозговая деятельность начинала всё больше набирать обороты. Страх прошёл, паника отступила, и инстинкт самосохранения потребовал анализа с последующим отчётом.

Итак: что хорошего и что плохого произошло и как это всё отразилось или может отразиться на моей жизни? Получается, что умерев, на самом деле я не умерла, вернувшись в предыдущий день. Но... Если я всё-таки когда-нибудь вернусь в своё настоящее (сейчас уже будущее), – каким оно будет, и будут ли иметь последствия все мои действия? И вообще, не сильно ли я борзею, посылая, например, свою работу к едрене фене. Хотя, с другой стороны, что вообще может быть ужасней СМЕРТИ!? Да уж, на её фоне все остальные проблемы меркнут, это уж точно. И, выходит, что если я пе-

режила её, всё остальное, вааще, — полнейшая ерунда.

Мне, почему-то, вспомнилось, что многие люди, когда у них спрашивают: как бы вы прожили свою жизнь, если бы у вас была такая возможность, почти все отвечают, что повторили бы её точь-в-точь (ну за исключением откровенных косяков, которыми они никак не гордятся). Так вот, с полной уверенностью теперь я могу им возразить: да не фига у вас не получится ни то, чтобы точь-в-точь, а даже приблизительно похоже.

А может, мне даётся такой шанс, о котором можно только мечтать, а я просто своими усреднёнными мозгами никак этого не вижу? Вполне возможно. Так надо увидеть! Может, мне даётся возможность решения каких-нибудь глобальных вопросов в мировом масштабе?! Эко меня занесло. Какой мировой масштаб, если завтра я опять проснусь в своей постели? А может, есть смысл поэкспериментировать с временными поясами? Там ведь как-то, если правильно лететь, можно целый день отмотать назад. Нет, что-то я не чувствую импульса к таким экспериментам.

А что если податься в какой-нибудь институт физики и поделиться с ними информацией о происходящем, и они сделают какое-нибудь великое открытие относительно представлений о времени. А что, если эти великие умы меня в психушку отправят? Ну и что, завтра я опять в своей постели проснусь. Я ж говорю, что в этом свои прелести есть!

А делать-то всё равно что-то надо. Ну, не на работу же

идти, в самом деле?! А если они всё же поверят и начнут над этим работать, рабочие документы можно будет им в предыдущий день привезти, чтоб они опять поверили. Ага. Много я чего с предыдущего дня перенесла назад. Кстати, точно. Надо будет попробовать лечь спать с чем-нибудь в руках, а, проснувшись, посмотреть, перенесётся ли это что-нибудь со мной в прошлое, или нет. Сегодня так и сделаю, чтобы знать, имеет ли смысл в институт физики ехать, или нефиг время терять.

Остаток дня я провела дома, приходя в себя и восстанавливая силы и мозговую деятельность. Пила кофе с бутербродами. Телефон отключила. Посмотрела любимый фильм, аж три серии, ещё больше успокоилась. Душевное, физическое и психическое спокойствие (три в одном) практически наступило и закрепилось чашкой горячего шоколада после ароматизированных масел в ванной с пеной. Засыпая, взяла в руку десятидолларовую купюру и покрепче сжала в кулаке. Кулак для надёжности засунула в варежку. Так и уснула.

ПОНЕДЕЛЬНИК. АРТЁМ

План поездки в институт физики отпал сам собой – ни варежки на руке, ни денежки в ней, ничего не было. Даже пижама чудным образом трансформировалась в мою сменную ей ночнушку. А вот голова болела. И я впервые за свою жизнь пожалела, что не веду дневник. Было бы очень удобно знать, что произошло с тобой в предыдущий день. А так вспоминать приходится. Самое интересное, что легко запоминаем мы лишь яркие моменты нашей жизни, а серые будни, в которых я пребывала до сих пор ничем, даже приблизительно ярким, не отличали один день от другого. Сплошная тоска и безнадёга...

Решила съездить на работу. Там была одна девочка, с которой я не так давно познакомилась, кажется, Света. Нет, визуально я её, конечно, знала, но так как в банке работает более тысячи человек, с некоторыми я даже не всегда здоровалась (хотя по этикету и внутреннему положению банка – должна), стопроцентной уверенности в том, что это так, у меня не было. Так вот, когда наши церберы, не помню уж, по какой причине отсутствовали на посту, я зашла поболтать с Танюхой, а она работает на балансе и ей многие сотрудники приносят на подшивку и проверку документы.

Так вот, к ней как раз и пришла Светка со своими бумагами. Завязался разговор и оказалось, что она ходит по воскре-

сеньям в церковь, но не в православную, а какую-то другую. Я, как человек, воспитанный в атеистической семье, особого внимания различиям в религиях не придавала, так, на уровне теоретических, не особо глубоких познаний в пределах предмета «история религий» в институте, по которому был всего лишь зачёт. Но вещи, о которых она говорила, меня, помню, чем-то зацепили.

И теперь я решила сходить в банк, найти Светку и разузнать адрес церкви, в которой, как она говорила вместо общеизвестного (в том числе и по сказке обожаемого мной А.С.Пушкина) попа, – пастор, с которым можно в любое время пообщаться на интересующие и волнующие темы. Так сказать, ближе к народу они, что ли. Я, конечно, могла и позвонить, но, чтобы не ударить в грязь лицом перед служащими Богу людьми (я помню, как меня сто лет назад отчитывала старушка в Храме, за то что я, окаянная, неправильно как-то свечи ставила), я подумала, что не плохо было бы, чтобы Светка меня, так сказать, протезировала, да и проконсультировала по интересующим вопросам в соблюдении необходимых правил поведения.

Как же я давно не ездила на своей машинке! Я с огромным удовольствием проехала по городу и даже с хорошим временным запасом, поставив машину на стоянку, зашла в банк.

Никто, конечно же, не знал, что от работы я уже успела отвыкнуть, как-никак, уже больше недели я туда не хожу, и работать особо не собиралась. Для приличия включила ком-

пьютер и нашла по базе Светкин телефон. Позвонила. Договорилась через час встретиться в банковской кафешке (раньше она не открывалась) – кофе попить и поговорить.

Час надо было как-то убить, работать-то совсем не хотелось. Подошла к рабочему месту Танюхи, пообщалась. Всё ж таки я её уже давно не видела (даже умереть за это время успела, уже с оттенком лёгкой иронии подумала я). Слегка удивила её и себя желанием обнять, что незамедлительно и сделала (я себе с недавних пор перестала в чём-то отказывать). Подошла Настёна, жажда общения сильна в любом человеке любого общества. Нас быстренько разогнало начальство (крепостное право только теоретически в девятнадцатом веке отменили). Нарываться сегодня было не в моих интересах, поэтому пришлось сесть за компьютер и изобразить бурную рабочую деятельность.

У нас любят, когда все делают правильный внешний вид, соответствующий должности и выполняемым обязанностям. Например, для большого начальства правильный вид: озабоченно-деловой, но вполне, по-отечески, добродушный. Причём озабоченность должна придерживаться золотой середины, чтобы глядящий на него подчинённый, не дай Бог, не подумал, что он озабочен больше того, чем положено, ведь волнение низов – вещь тоже небезопасная. Одним словом, золотая середина – вот девиз большого начальства.

Начальство пониже должно смотреть как наверх, так и вниз. Для тех, кто выше, оно угодливо и в меру весело, что-

бы у вышестоящего не возникло ощущения, что могут быть проблемы или невозможность выполнения поставленных задач, короче: в Багдаде всё спокойно. Для подчинённых же: с максимальной точностью во взгляде должно быть отражено знание о подчинённом наперёд – подчинённый ещё не подумал, а он, начальник, уже знает, о чём... И вот эта загадочная уверенность или уверенная загадочность должна преследовать подчинённого даже в мыслях, мол, мы, холопы, люди недалёкие и предсказуемые, а наше всезнающее начальство видит нас насквозь. Надо смириться.

Соответственно, нам, холопам, низам, простым смертным, недалёким простакам, и вид нужно делать соответствующий: придурковато-старательный. И лишь в случае перспективы карьерного, так сказать роста, когда тебя собираются за выслугу лет или по блату перевести на следующую должность, вид должен ненамного, на совсем чуть-чуть (чтоб не спугнуть начальство и удачу), поумнеть.

И вот когда всё это соблюдается в полной мере, без отклонений и исключений, тогда и можно с полной ответственностью говорить: в Багдаде всё спокойно. Я же своим излишне уверенным видом, прямой осанкой и высоко поднятой головой всегда раздражала начальство, вызывая в нём опасения и внутренний дискомфорт. И хотя работу свою делала я хорошо, революций не организовывала, но напряжение в воздухе вокруг меня витало, и при малейшем поводе с моей стороны начальство спуска мне никогда не давало. И ко-

гда более грубые ошибки сходили с рук «правильно ведущим себя» сотрудникам, мои даже незначительные промахи рассматривались под микроскопом и незамедлительно карались.

Я привыкла, но в сегодняшней ситуации, я ведь договори-лась встретиться со Светкой, поэтому вела себя тихо. Даже глазки опустила и спинку ссутулила при виде начальницы. И смех сдержала тоже профессионально...

Через час мы пили кофе и беседовали «за жизнь».

– Послушай, начала я, не вдаваясь в подробности, мне очень нужно встретиться с твоим пастором и поговорить. Ты говорила, что это возможно.

– Конечно.

– А ты могла бы позвонить ему и договориться о моей встрече с ним?

– Хорошо. – И она стала набирать номер.

«Прикольно, – подумала я, – вот так легко можно позво-нить и договориться об аудиенции с руководителем церк-ви... А может, она особенно к нему приближенная? Так это даже ещё и лучше»...

– Ало, Игорь, привет! Тут с тобой очень хочет поговорить одна моя хорошая знакомая... Что? ... Нет, не верующая. Но у неё к тебе есть очень важные вопросы. Так она говорит. Ты мог бы с ней сегодня встретиться? Нет, ей именно сего-дня надо – говорит, что завтра у неё уже не будет... (повто-рила она сказанные только что мной слова, удивлённо под-

нимая брови в мою сторону). – Хорошо... В два часа тебе подойдёт, он спрашивает? – обратилась она уже ко мне, и так как я согласно кивнула, она, заканчивая разговор, добавила: – В два она будет в церкви.

Продиктовав адрес и рассказав, где это, Светка начала задавать мне сочувственно-заботливо-внимательно-корректным голосом вопросы, думая, возможно, что я – неизлечимо больна. Я не стала с ней ни соглашаться, ни разубеждать её, одним словом, побольше загадочности и неопределённости, – всегда работает, ещё раз убедилась в этом я.

Кое-как, с горем пополам я досидела до обеда и «свалила», предварительно отключив мобильный (чтобы не доставали). Ровно в два я заходила в двери церкви.

Игорь встретил меня приветливо, пожал руку, приветствуя, и пригласил пройти на второй этаж, в кабинет. Причём не в свой. Это было просто местом, где мы могли бы поговорить, и нам бы никто не помешал. От чая, кофе, бутербродов и печенья я отказалась.

Пастором оказался очень приятный мужчина лет сорока пяти с добрыми чёрными глазами, глядя в которые хотелось верить и довериться. Было такое чувство, что, открой я ему все «тайны мадридского двора», это бы осталось между нами. Вопрос доверия – более тонкая вещь, даже чем боязнь расплаты за излишне сказанное. Это – как раздеваться догола. Не со всеми подружками я могу спокойно себе это позволить (поэтому и не люблю бани), а вот с мужчинами... здесь

всё гораздо сложнее... Не вдаваясь особо в подробности, я им просто не доверяю (взять хотя бы пушкинскую Татьяну Ларину и Онегина). Поэтому желание открыться пастору меня удивило, обрадовало, растормошило и... успокоило.

Так как свою историю я рассказывала уже не раз, она получилась компактной и при этом со всеми подробностями. Рассказала я и про смерть. Игорь слушал, ни разу не перебив вопросом. Когда я закончила, он задал один единственный вопрос: почему я захотела рассказать всё ему?

– Ну, с практической точки зрения, все плюсы и минусы моего положения я изучила, хотя и нового открываю с каждым вчерашним днём всё больше и больше. Но мне почему-то кажется, что здесь что-то большее, чем временная аномалия, происходящая только со мной. Что в этом есть какой-то скрытый от меня смысл, до которого я сама никак не могу додуматься.

– Почему ты так считаешь? – Как-то быстро и легко перешли мы с ним на ты.

– Сложно сказать. Какое-то внутреннее непонятное мне чувство, которого раньше никогда не было. А что обо всём этом думаешь ты? Ты хоть веришь мне?

Он очень внимательно посмотрел на меня.

– Я тебе верю. Конечно, с точки зрения науки, всему этому нет объяснения. Но пути Господни неисповедимы. И ты права. Если это происходит, значит и смысл в этом есть. Взять хотя бы даже то, что ты пришла сегодня сюда.

– Да, только ЗАВТРА для каждого из нас разное. Что будешь помнить ты, я не знаю. А вот для меня завтра – это воскресенье. А ты меня и знать-то не будешь.

– Пусть так. Всегда в воскресенье в церкви, в десять часов, идёт служба. Ты приходи. И ничего, что я не буду тебя знать. Уверен, ты много сможешь узнать и понять, прослушав проповедь. Бог гораздо больше нам даёт, чем забирает. И если ты действительно хочешь понять смысл, ты его найдёшь. Бог через людей, через то, что мы говорим, донесёт до тебя то, что ты должна узнать и понять.

– А если нет!?

– Не верю. С нами ничего не происходит просто так. Бог хочет спасти каждого из нас и, так или иначе, подводит нас к спасению, давая возможность и шанс. И только он один знает, через какие обстоятельства, как это сделать, какие струны души человека должны быть затронуты, чтобы он остановился, прислушался и понял, насколько грешен и несовершенен этот мир и увидеть фальшь в отношениях между людьми и испытать желание приблизиться к нему, к его святости и любви.

– По поводу греховности и фальши я с тобой абсолютно согласна (вспомнила я сегодняшние размышления). Но не настолько же всё плохо! Ведь в каждом человеке достаточно как плохого, так и хорошего...

– Важно, чтобы человек понимал, что и плохого в нём предостаточно, и чтобы он в полной мере осознавал, что са-

мому ему не справиться с тем, что в нём есть, с его грехами, и куда они его в конечном счёте приведут. Ведь если бы всё было так просто: осознал, избавился, свободен. Тогда Иисусу Христу не пришлось бы отдавать свою жизнь для спасения верующих в него...

Игорь говорил, и его слова так просто доходили до меня, что казалось, будто они направлены прямо в сердце. Даже нет, в душу. Напрямую. Хотелось слушать и пропитываться всем, о чём он говорил.

Мы долго с ним разговаривали, но пришло время попрощаться. Перед тем, как уйти, Игорь подарил мне большую красную книгу «Библия» и ещё раз напомнил о воскресном служении. Я обещала прийти. Он пожал мне руку и проводил до дверей.

Было почти четыре часа и мне совсем не хотелось ехать домой. Мне нужно было обсудить с кем-нибудь полученную информацию. Из всех знакомых, которые подошли бы на эту ответственную роль... я не смогла никого придумать.

Лиса – слишком озабочена своим бизнесом и проблемами с бывшим мужем. Танюха – у неё трое детей и она бежит к ним. Настёна – у неё тоже муж и дети (к тому же сегодня понедельник). Викуся – с ней прикольно обсуждать практические аспекты жизни, а проблемы души, это не к ней. Обычно мы обсуждаем с ней вечеринки, отдых в Италии или в Юрмале, новых парней и мужей разных знакомых. В нескольких словах, – это общение двух незамужних молодых привлека-

тельных женщин, мечтающих поудачней выйти замуж. Какая уж тут духовность?!

Грешным делом появилась и тут же исчезла мысль позвонить Тухану, к тому же он говорил что-то там о любви, душе... Нет, я ещё не готова. К тому же, похоже, это как раз его душу спасти придётся. И, очень надеюсь, что не мне...

Есть, конечно, ещё одна подруга по институту, Анжелка, но, как правило, наше с ней общение сводится к выслушиванию её проблем и переживаний по всем жизненным вопросам. А что касается моих, так это – ерунда! Особенно на фоне вечности и неразрешённых (причём никогда) Анжелкиных проблем. Сегодня, опять же, не мой случай.

Можно, конечно, побеспокоить своих бывших, но уверенности, что не потрачу своё время впустую, у меня не было, и я решила не рисковать.

Так рассуждала я, сидя в машине, собираясь уезжать с небольшой стоянки возле церкви, как в окошко кто-то постучал...

– «Кто там?», – спросила я и опустила окно.

– Что-нибудь случилось? Может, я могу вам чем-то помочь? – Задал мне вопросы молодой мужчина, заботливо улыбаясь и заглядывая в салон.

– А почему, стесняюсь спросить, вы вдруг решили, что мне нужна помощь? – Удивилась я такому участию.

– Просто вы уже минут десять сидите задумчиво в машине, не выходите, и не двигаетесь с места.

– Не поняла, я вам что, мешаю? По-моему, на стоянке достаточно места...

– Да нет же! Вы меня не так поняли. Если человек сидит в задумчивости, не предпринимая никаких действий: не выходит, не едет, не говорит по телефону...

– Значит, он просто задумался. Как вам такой вариант? – Не дала договорить ему я.

– То есть, вы хотите сказать, что у вас всё хорошо, – не стал спорить он.

– А тебе не всё ли равно? – Не унималась я.

– Ладно. Извините, что побеспокоил...

– Мне вообще-то поговорить не с кем... – вдруг зачем-то неожиданно для себя произнесла я.

– Тебя как зовут?

– Софья.

– Мудрая, значит...

– Ну, надеюсь, что не дура, – поскромничала я.

– А я – Артём. Так и будем через форточку разговаривать?

– А ты предпочитаешь на улице, или в машине?

– Это уж на твоё усмотрение, – «сджентльменничал» он.

– Садись! – Сказала я и открыла соседнюю дверь.

Артём обошёл машину и сел на сиденье рядом.

– Ну, привет.

– Оно-то, конечно, привет, – продолжала «покусываться» я, – а ты что, действительно согласен стать моим собеседником?

– По-моему, у нас это неплохо получалось до сих пор.

– Так это не беседа была, а обмен колкостями...

– Ты за себя говоришь.

– Ну да. Мне действительно нужен человек, с которым я могла бы поговорить по волнующему меня поводу. И так, чтобы этому человеку не всё равно было. Чтоб он спорил со мной, убеждал, разубеждал, уговаривал, отговаривал даже, если придётся... И вот из своих друзей, знакомых, я такого никак найти не могу... Хотя, ты не подумай, у меня много друзей...

«Да что ж это такое? – здесь что, – место заколдованное? Почему у меня постоянно возникает желание делиться своими проблемами (если это можно так назвать) с незнакомыми людьми?! Мне это совсем несвойственно...»

– Я, пожалуй, рискну стать для тебя таким человеком...

– А вот скажи, с какой это радости тебе, человеку, который меня совсем не знает, мне помогать? Ты что, в меня влюбился, а? Отвечай: любовь с первого взгляда?!

– Вообще-то я женат и жену свою люблю. – Снова улыбнулся он.

– Ну, тогда я вообще ничего в этой жизни не понимаю. В чём прикол-то?

– То есть ты себе даже представить не можешь, что один человек хочет помочь другому просто так, без всякой выгоды для себя и корысти, и даже без надежды на отношения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.